

Тарас ДРОЗД

ВОСТОЧНЫЙ СКЛОН

комедия

Сцена представляет пещеру, замкнутое тёмное пространство причудливой формы.

Сталагмиты, сталактиты, монотонная капель.

Возникает звук летящего издалека предмета. Сначала он напоминает свист снаряда на излёте, затем на вой падающей бомбы, перерастает в рёв самолёта, терпящего крушение, и распадается на три кричащих от ужаса мужских голоса.

Взрыв, обвал, извержение!

В пещеру влетают трое мужчин и раскатываются по углам. Вокруг каждого возникает свечение. Трое мужчин стонут от боли и пережитого, а через некоторое время начинают возиться, желая обрести себя в пространстве, и, путаясь в амуниции.

ПЕРВЫЙ. Твою мать!..

ВТОРОЙ. Проклятье!..

ТРЕТИЙ. О, Боже!..

ПЕРВЫЙ. Но ведь знал же, знал, что этим всё кончится!..

ВТОРОЙ. Скоты, все скоты!.. Я не мог вляпаться в такое дерьмо, не мог!

ТРЕТИЙ. Хорошо же ты отделаал меня, Господи, здорово!..

ПЕРВЫЙ. Не понял... Эй!.. Э-эй!..

ВТОРОЙ. Что такое?.. Что это было?.. Кто-то кричал?

ТРЕТИЙ. Бог мой, да тут люди!..

ПЕРВЫЙ. Эй, здесь кто-то есть?

ВТОРОЙ. Вау, кто-то говорит!..

ТРЕТИЙ. О-о-о! Надо же!.. Я здесь, я здесь!..

ПЕРВЫЙ. Э-ге-гей!.. Кто тут, эй! Я здесь не один, ура!

ВТОРОЙ. Э-эй, вы слышите меня?.. Вы меня зовёте? Что вам надо?

ТРЕТИЙ. О-о!.. Я здесь, мне нужна помощь!.. Отвечайте, отвечайте!..

ПЕРВЫЙ. Эй, да кто тут?! Куда же меня занесло, едрёна мать?

ВТОРОЙ. Кто вы такой, эй!.. Предупреждаю, у меня есть оружие!..

ТРЕТИЙ. О-го-го-о! Я здесь!.. Давайте двигаться навстречу друг другу!..

Они выползают на те места, где свечение каждого видно остальным.

ПЕРВЫЙ. Ха, да я не один, нас трое!.. Эй, ребята, а вас каким веслом сюда закинуло?.. Я спелеолог, а вы?.. Вот, на мне комбез, каска с фонарём... Эти ремни очень надёжные. Я летел так, что думал костей не соберу. Целы кости или нет, не знаю, всё болит, и я себе уже анестезирующий укол засандалил. А каске хоть бы что, так же плотно сидит, и подшлемник хорошо череп облегает... *(Снимает каску.)* Если бы не каска, то всё... А что это фонарь не работает?.. Накрылся... А вот у меня страховочный конец, фал!.. *(Показывает верёвку и начинает её сматывать.)* Он крепится к поясу, так что куда бы я не полетел, связь со своими у меня надёжная!.. Мы не пропадём, ребята, мы выберемся!.. Мы по этому концу наверх вылезем!.. Не верите?.. Летел я, конечно, как хрен в глубокий погреб... Думал, что лечу на тот свет, что уже всё, отпиликался... А если честно, то и не думал, потому что уже картинки замелькали, вся жизнь перед глазами прошмыгнула... Мы сегодня с напарником решили пройти всю левую кишку этой подлючей пещеры... Планировали километра три проползти... И вдруг наткнулись на узкий лаз в сторону от ствола... Надо проверить, как же!.. Кто пойдёт?.. Я, конечно!..

По времени я прополз минут десять... И резко в яму, обвалилось что-то, я даже зацепиться не успел!.. Нашего брата обычно заваливает, но чтобы улететь!.. Это что-то из ряда вон... *(Держит перед глазами оборванный конец верёвки.)* Из ряда вон... Ни хрена себе!.. Это же капроновый фал, он не мог оборваться, он держит минимум тонну ... Да, ребята, кажется, мы отплясали на самом реальном уровне...

ВТОРОЙ. Эй, парень, я не понимаю о чём ты говоришь, но я рад, что ты здесь, что я не один в этой заднице... Послушай меня!.. Ты меня хорошо слышишь?.. Я парашютист и горнолыжник, экстримал, мне нравится риск. Я давно готовился с друзьями покорить Восточный склон. Ты знаешь Восточный склон?.. Должен знать, если очутился в этом же месте... Сам прыжок не казался сложным, вертолёт спокойно держал нужную высоту, куда большую опасность представлял спуск на лыжах, можно было нарваться на камни под снегом, если не знаешь трассы. Первым ушёл Майкл, за ним прыгнул Билли, я видел, как они отстегнули парашюты, понеслись по склону и скрылись... Командир мне машет «Пошёл, пошёл!» А меня вдруг пронзило предчувствие... Я не трус, поверь, я много раз прыгал, и знаю, что такое подавить в себе страх... Но тут меня такой ужас охватил, что я прыгнул сам не зная почему... Как только парашют раскрылся, налетел порыв ветра и меня понесло в другую сторону, в ущелье. Приземлившись, я не успел отстегнуть парашют, не смог, меня поволокло по снегу, лыжи полопались и слетели, а скорость всё нарастала, я даже зажмурился, видя и понимая, что меня сейчас так припечатает о скалу, что потом отодрать не смогут... Стоп!.. У меня же есть рация!.. Меня найдут, обязательно найдут!.. Оле-оле-оле-оле!.. *(Достаёт рацию.)* Так, она почему-то не включается... Что такое?.. О-ё, нет батареи!.. Корпус открыт, а батареи нет!.. Какое скотство... Неужели они специально её вытащили?.. Эти скоты, я сразу подозревал, всё подстроили... Но зачем?.. Они долго уговаривали меня решиться на спуск по этому проклятому склону. Я не хотел, но они уговорили меня... Они поставили меня третьим, с условием, что я прыгну после их спуска... Почему?.. А кто вытащил батарею?.. Скоты, скоты... Неужели командир вертолёта был с ними заодно? Какие скоты...

ТРЕТИЙ. Верно, как я мог забыть!.. Хорошо же я летел, даже память отшибло... У меня же есть сотовый телефон для связи! Сейчас я свяжусь с нашими, сообщу, что я жив, и меня будут искать... Нас будут искать, нас всех будут искать... *(Достаёт телефон, нажимает кнопки.)* О, Боже, никаких сигналов... Он не мог сломаться, это последняя модель, противоударная и для низких температур, он даже под водой способен работать... Полный ноль, быть такого не может... Я альпинист, мы поднимались на пик по отвесной скале западной стороны горы, а уйти должны были по обратному склону... Восхождение шло без проблем, как я сорвался, до сих пор не могу понять...

Помню, глянул вниз, увидел под собой расщелину, чёрную такую, она открылась как-то неожиданно, и я подумал, уж не сам ли дьявол приглашает меня в гости... А думать о потусторонних силах в такие минуты нельзя, это у нас каждый знает... Меня Бог наказал, не иначе... Видите, телефон не работает, значит, здесь без высших сил не обошлось... А, может быть, я уже мёртв? Я в другом измерении, где не могут работать телефоны...

ПАРАШЮТИСТ. Послушайте, парни, я вас не понимаю. Ни тебя, ни тебя. Из вас кто-нибудь говорит по-английски?

СПЕЛЕОЛОГ. Твою мать!.. Ну только я мог попасть на тот свет в компании с иностранцами. О чём, о чём я буду с ними разговаривать? Ну как хоть что-то объяснить? На пальцах? На пальцах можно объяснить только женщине...

АЛЬПИНИСТ. Господа, я альпинист!.. Всего лишь альпинист, а вы принимаете меня за кого-то другого... Я попал сюда не известно как, я сорвался и улетел в расщелину, понимаете?.. Если это ваша пещера, то я на неё не претендую. Я хочу только домой. Для начала на базу... Но, видите, связи нет. Почему вы молчите?.. Вы не верите мне? Или не понимаете? Неужели немецкая речь для непонятна?

СПЕЛЕОЛОГ. Говорили же мама, говорила!.. Учи, придурок, иностранные языки.

ПАРАШЮТИСТ. Какое скотство... Какое дерьмо... Попасть к диким животным... Они не знают английского... Учтите, я не сдамся!.. У меня есть оружие. *(Достает нож.)* Вот, видите? Не советую ко мне приближаться.

АЛЬПИНИСТ. Но за что, за что? Почему вы мне не верите? Я здесь случайно!.. Я что, открыл какую-то вашу тайну? Я никому не скажу, клянусь... Тогда смотрите, у меня ледоруб... Я его держу, потому что не могу до сих пор разжать пальцы. Но проломить череп я сумею, будьте уверены. Эй ты, в каске! Запомни, она тебя не спасёт.

СПЕЛЕОЛОГ. Вы чего это, а? Двое на одного? Да вы охренели, ребята. Предупреждаю, у меня есть топорик. Мало не покажется.

АЛЬПИНИСТ. Господа, я предлагаю обойтись без кровопролития. У меня есть деньги...*(Встаёт в полный рост, пошатывается, ищет что-то в карманах левой рукой.)*

ПАРАШЮТИСТ *(спелеологу)*. Зачем ты показал ему топор? Ты разозлил его!

СПЕЛЕОЛОГ. Что ты там ищешь, придурок? Пистолет? Ребята, если я уже на том свете, то мне умереть не страшно. Предупреждаю, я не боюсь...

ПАРАШЮТИСТ. Не кричи на него! Он же звереет, ты что, не понимаешь?

АЛЬПИНИСТ. Нашёл!.. Нашёл, вот они, в пластиковом пакете... О, Бог мой, да что же это... Мне не достать... Надо же, левую руку свело тоже...

СПЕЛЕОЛОГ. Если ты достанешь пистолет и выстрелишь!.. Предупреждаю!.. *(Грозит пальцем.)*

ПАРАШЮТИСТ. Он хочет что-то достать...

СПЕЛЕОЛОГ. Если ты выстрелишь, то я за себя не ручаюсь!..

ПАРАШЮТИСТ. Ну, что ты делаешь?.. Нельзя ещё больше злить человека, если он и так уже вышел из себя.

АЛПИНИСТ. Да я нашёл, нашёл!.. Только руку свело, не видите, что ли?..

ПАРАШЮТИСТ. Ну всё, нам конец.

СПЕЛЕОЛОГ. Не доставай!.. Не надо... Я предлагаю тебе по-другому... Сходимся на равных... У тебя альпеншток, у меня топорик. Договорились?

ПАРАШЮТИСТ. Я понял!.. У него там граната! Наверное, чека зацепилась, и он боится её сорвать.

СПЕЛЕОЛОГ. Вот только не уверен, что буду твёрдо стоять на ногах... *(Начинает подниматься.)* Так же уверенно, как и ты... Вроде бы ничего, стою...

ПАРАШЮТИСТ. Что ты делаешь?! Зачем ты встал? Ложись!..

СПЕЛЕОЛОГ. Ну что, сходимся? По честному. Без огнестрельного.

ПАРАШЮТИСТ. Ложись, идиот! Пусть он взрывает сам себя и захлебывается в собственном дерьме! Ложись!..

СПЕЛЕОЛОГ. Да не ори ты. До тебя очередь дойдёт.

АЛПИНИСТ. О, Боже, помоги мне!.. Ты решил напасть на меня? Увидел, что у меня свело обе руки, и решил напасть? Смелчак!

СПЕЛЕОЛОГ. Ну, что же ты, давай!..

АЛПИНИСТ. Герой!.. Мужественный воин...

СПЕЛЕОЛОГ. Атакуй, ну же!.. Я буду только защищаться.

АЛПИНИСТ. В твоей стране все такие смелые?

СПЕЛЕОЛОГ. Только у меня ноги что-то. После укола одеревенели.

ПАРАШЮТИСТ. Парни, если вы решили выяснить отношения между собой, то я не против.

СПЕЛЕОЛОГ. Ну, давай!.. Иди на меня, иди!..

ПАРАШЮТИСТ. Ко мне только не лезьте. Я вам ничего плохого не сделал. Подумаешь, обозвал скотами и дерьмом. У нас это обычные слова. Как любовь и выпивка.

АЛПИНИСТ *(парашиютисту)*. Я вижу, господин, что вы добрее этого недоноска. Не поможете мне?

СПЕЛЕОЛОГ. Ну, давай же, ну!.. Чего ты обломался?

АЛПИНИСТ. Помогите выдернуть левую руку из кармана. *(Идёт к парашиютисту.)*

ПАРАШЮТИСТ. Э, ты чего?.. Ты чего на меня-то?.. Не подходи!..

АЛПИНИСТ. Руку, левую руку!.. Видите, застряла.

ПАРАШЮТИСТ. Не приближайся ко мне... Учти!..

АЛПИНИСТ. Пальцы скрючило, они там зацепились, и мне самому не выдернуть. *(Дёргает левой рукой.)*

ПАРАШЮТИСТ. Если ты выдернешь свою гранату, я швырну в тебя нож!.. В горло тебе его засажу, дерьмо собачье...

АЛЬПИНИСТ. О, бог мой, ну зачем же злиться? Мне плохо, не видите разве?

ПАРАШЮТИСТ. Ты же в него, в него хотел кинуть гранату. Ну так и кидай, в чём дело? Я-то здесь при чём? Я не умышленно обозвал тебя дерьмом. У меня вырвалось.

АЛЬПИНИСТ. Да руку мне выдерни из кармана! Я прошу не отрезать её, а выдернуть!

СПЕЛЕОЛОГ. Давай, давай, застрели его на хер. А я пока посижу. *(Садится.)*

ПАРАШЮТИСТ. Парень, этот нож очень острый. Парашютные стропы рассекает как масло.

АЛЬПИНИСТ. Ну, хорошо, хорошо, спокойно!.. Не хотите помочь выдернуть руку из внутреннего кармана, тогда разожмите пальцы на правой руке.

ПАРАШЮТИСТ. Ты же так хорошо с ним разговаривал... *(Кивает на спелеолога.)* Зачем я-то тебе понадобился?

АЛЬПИНИСТ. Пальцы разожмите, пожалуйста, и всё. Их судорогой свело, видите, и я не могу выпустить этот проклятый ледоруб.

ПАРАШЮТИСТ. Учти, ты меня своим оружием не напугаешь.

АЛЬПИНИСТ. Вы, наверное, подумали, что я хитрю? Прошу вытащить руку из кармана, а другой рукой ледорубом по затылку, так, что ли? Но это же смешно.

ПАРАШЮТИСТ. У тебя своё оружие, а у меня своё!..

АЛЬПИНИСТ. Да у меня и мыслей таких не было.

ПАРАШЮТИСТ. Не хуже твоего, будь уверен.

АЛЬПИНИСТ. Я прошу только разжать мне пальцы. Разожмите, пожалуйста, пальцы на рукоятке. *(Протягивает руку с ледорубом.)*

ПАРАШЮТИСТ. А у меня нож, вот!.. *(Протягивает навстречу руку с ножом.)*

АЛЬПИНИСТ. Я не собираюсь ничего им делать. Я хочу избавиться от него.

ПАРАШЮТИСТ. Ну, давай, сравним. У тебя ручка длинная. А у меня лезвие.

СПЕЛЕОЛОГ. Кажется, дело пошло. Ну, придурки.

ПАРАШЮТИСТ. Тебе нужно бить сверху. А мне достаточно полоснуть.

АЛЬПИНИСТ. В пальцах и кисти острое покалывание. Утихнет и снова. Вот, сейчас опять!.. О, Боже!.. *(Приседает с гримасой боли.)*

ПАРАШЮТИСТ. Ну, что ты оскалился, как ирокез перед атакой? Стал в боевую стойку? Я тоже могу... *(Приседает, широко расставив руки и ноги.)*

АЛЬПИНИСТ. Да мне же больно, идиот!.. А ты дразнишься!.. Или ты решил напасть? Как раз в тот момент, когда меня скрутило?

ПАРАШЮТИСТ. Предлагаешь для начала ритуальный танец? Давай!.. Ты из какого племени, дерьмо? *(Издаёт боевой клич.)*

АЛЬПИНИСТ. Свинья, ты кого пугаешь? Я тоже могу!.. *(Рычит.)*

ПАРАШЮТИСТ. Что, в штаны наложил? *(Делает ложный замах ножом.)*

СПЕЛЕОЛОГ. Да, ребята, с мозгами у вас напряжённо. Нам же выбираться отсюда, идиоты. Предупреждаю, кто победит, тот и потащит раненного. Я не потащу.

АЛЬПИНИСТ. Не надо этих ложных замахов, не надо!.. Я обучался фехтованию в рыцарском клубе... Сейчас я вышибу у тебя эту штуку и тебе нечем будет размахивать... *(Делает попытку выбить нож ледорубом, при этом откидывает в сторону левую руку для равновесия.)*

ПАРАШЮТИСТ. А где же твоя граната?

СПЕЛЕОЛОГ. Что, нет никакого пистолета? Нормально!.. За такие шутки можно и по роже получить.

ПАРАШЮТИСТ *(альпинисту, кивая на спелеолога)*. Он, кажется, смеётся над нами.

АЛЬПИНИСТ *(парашиютисту, тоже кивая на спелеолога)*. Ты посмотри, этой свинье радостно видеть, как мы дерёмся.

ПАРАШЮТИСТ. Помнишь, он показывал нам верёвку? Он грозил нам верёвкой...

АЛЬПИНИСТ. Ты забыл, как он размахивал верёвкой и наматывал её на руку? Он собирался нас связать.

ПАРАШЮТИСТ. Я понял, он хотел нас связать! Как пленников. Но побоялся сделать это тогда. Решил, наверное, пусть мы передерёмся и ослабнем.

АЛЬПИНИСТ. Он хочет нас связать, понимаешь?

ПАРАШЮТИСТ. Он связать нас хочет, пойми!..

АЛЬПИНИСТ. Ты понимаешь, почему он смеется? Он хочет, чтобы мы сцепились, изранили друг друга, и тогда он без труда возьмёт нас в плен.

ПАРАШЮТИСТ. Скотина... Дерьмо...

АЛЬПИНИСТ. Выродок свинячий...

СПЕЛЕОЛОГ. А что это у тебя в руке? *(Встаёт и указывает на левую руку альпиниста.)* Что ты вытаскил?

ПАРАШЮТИСТ. Он показывает на твою левую руку. У тебя что-то в кулаке.

АЛЬПИНИСТ *(спелеологу, с вызовом)*. Это моя левая рука!.. Её отпустило.

СПЕЛЕОЛОГ. Что ты достал из кармана? *(Подходит ближе.)*

ПАРАШЮТИСТ. Он хочет, чтобы ты показал ему, что у тебя там. А ты не показывай.

АЛЬПИНИСТ. Я хотел достать деньги и достал их. Вот. Я бы достал их раньше, если бы вы мне помогли.

ПАРАШЮТИСТ *(спелеологу)*. Это деньги.

СПЕЛЕОЛОГ. Я думал, что у тебя там пистолет, а ты полез за деньгами?.. Деньги... А зачем ты их достал?

ПАРАШЮТИСТ. Это деньги, всего лишь деньги, не видишь, что ли? *(Альпинисту, кивая на спелеолога.)* По-моему, он тупой.

СПЕЛЕОЛОГ. Ответь мне на конкретный вопрос. Зачем... ты... вытаскиваешь... деньги!..

АЛЬПИНИСТ *(парашиютисту)*. Он хочет отобрать у меня деньги. Что будем делать? Раньше я сам хотел их отдать, чтобы вы не ссорились, а теперь не хочу.

СПЕЛЕОЛОГ. Отвечай, придурок. Ты хотел меня купить?

АЛЬПИНИСТ. Не отдам! Не хочу, и не отдам. *(Прячет левую руку за спину.)*

ПАРАШЮТИСТ. Он решил отобрать их у тебя, определённо. Значит, понял всё-таки, что это деньги.

СПЕЛЕОЛОГ. Купить меня вздумал? А что ты хочешь у меня купить? Верёвку? Или каску с фонарём? Фонарь, между прочим, вышел из строя. Или тебе нужен топор? А может быть комбинезон? С моей амуницией легко выбраться отсюда. Если знать, куда ползти. Значит, ты у меня легко всё купишь, а я хоть пропадай? *(Смеётся.)*

ПАРАШЮТИСТ. Возьми лучше у меня деньги. Оставь этого парня в покое. *(Достаёт портмоне, отсчитывает пару купюр.)* Много я тебе, конечно, не дам...

СПЕЛЕОЛОГ. Да вы что делаете, уроды? Если я русский, значит, меня можно купить с потрохами? Здесь ваши деньги ничего не значат! Здесь, под землёй, ваши деньги – пыль!

ПАРАШЮТИСТ. Русский – это кто? Русский – это который живёт в России?

СПЕЛЕОЛОГ. Да, я русский, да! И зовут меня самым примитивным русским именем. Иван. Я русский Иван. Не важно где я живу, в России, или не в России. Сейчас я вообще спелеолог. Не живу, а под землёй ползаю.

ПАРАШЮТИСТ. Иван? Ты – Иван? А я Джон. Меня зовут Джон!

СПЕЛЕОЛОГ. Ты – Джон? А я Иван. Иван!

ПАРАШЮТИСТ. А я Джон! Меня зовут Джон! *(Альпинисту.)* Он – Иван, а я – Джон. Понимаешь?

АЛЬПИНИСТ. Ты – Иван... А ты – Джон... А я Ханс! Моё имя Ханс!

ДЖОН. Ха-ха, надо же!.. Ты – Иван, я – Джон, а он – Ханс. Его зовут Ханс!

ИВАН. Ханс? Это Ганс, что ли, по-нашему? У одного моего приятеля в детстве кличка была Ганс. На немца очень походил. А ты кто?

ХАНС. Я – Ханс! А он – Джон. А ты – Иван.

ИВАН. Твою мать, наконец-то познакомились!.. Деньги уберите.

ДЖОН. Да, да, извини. *(Прячет деньги.)*

ХАНС. Я хотел их предложить просто так... Хорошо, больше не буду. *(Тоже прячет деньги.)*

ИВАН. Вы обидели меня.

ДЖОН. Парень, ну ты нашёл место для обид.

ХАНС. Здесь деньгами можно только рассмешить. И ты смеялся! Ты прав, здесь они ничего не значат.

ДЖОН. Это там, наверну, деньгами можно обидеть. Хотя я такого не припоминаю.

ХАНС. Если предлагают мало, то это не очень веселит.

ДЖОН. Сейчас у меня их достаточно, однако радости я не испытываю.

ИВАН. Даже после того, как познакомились?

ДЖОН. Русские все такие оптимисты?

ИВАН. Мой напарник Иваныч говорит, что оптимисты как раз вы, американцы. И это вас погубит. Он так говорит.

ДЖОН. Нет... Я долго жил в Америке, но я англичанин. Англичане, кстати, пессимисты. И это нас спасёт.

ХАНС. Если истинно веришь в Бога, то от печального созерцания мира получаешь больше наслаждения, чем от безумной радости.

ДЖОН. Ну, я верю в Бога. Я должен верить в него по конституции. Я смело кладу руку на библию, если уверен в праведности того, за что даю слова клятвы. Если всё честно и по справедливости, значит так и угодно Богу. Он благословляет мои дела, и я верю в него. Такое моё убеждение.

ИВАН. А я ни во что не верю. Никому. Ни Богу, ни черту, ни властям, ни избирателям. И уж тем более желтому дьяволу, который вообще правит всем. Если ему не служить, то он над тобой бессилен. *(Весело.)* Поэтому я здесь, под землей.

ХАНС. Но ведь вы же христианин.

ИВАН. Меня просветил мой напарник Иваныч. Наши предки от сотворения мира были язычниками. Археологи находят много поселений и захоронений тех времён, но на следы побоищ и битв как-то не натыкались. Значит, жизнь тогда протекала в основном мирно. Обитали как дети по простым понятиям. И вот огнём, мечом и святой водой народу нашему принесли веру. Насильно крестили. И дети начали мочить друг друга. Здесь уже каждое событие строго фиксировалось в летописях истории. Как брат брата убивает за истинное вероисповедание. Мы своих куда больше угробили, объявляя их врагами, чем пришельцев. Били во имя твёрдых убеждений, за государственные интересы, за правду, а в основном, конечно, из-за денег. Прикрываясь либо крестом, либо истиной. *(Весело.)* Ну вот и верь после всего этого! Во что?

ДЖОН. Но я не стесняюсь и спорить с Богом! Когда он бывает несправедлив ко мне. Вот сейчас, например. Почему я очутился в этом дерьме? Что за скотство? Я знаю почему. Он, конечно, не виноват. Но допустил!

ИВАН *(Хансу)*. А ты что, такой уж от бровей до задницы верующий? Ведь ты же немец. Человек практический.

ХАНС. Я из Швейцарии. У нас банков и адвокатских контор намного больше, чем церковных приходов. И от этого благополучного устройства общества хочется бежать как можно дальше. Почему я и ухожу со своими единомышленниками в горы, чтобы лезть, лезть и лезть, выше, выше и выше. Поближе к нему. Чтобы изумиться от его величия, ощутить его прикосновение, услышать его шепот. *(Улыбаясь.)* И такие минуты бывают.

ИВАН. Ты счастливый человек, если веришь в него даже здесь.

ДЖОН. Я же догадался, что всё подстроили эти два мерзавца. Майкл и Билли. Но зачем? Я считал их приятелями.

ИВАН. Вы не чувствуете, что стало труднее дышать. Ребята, мы здесь можем задохнуться. Я вам как специалист говорю.

ДЖОН. Я знаю почему! Они всегда завидовали мне!

ИВАН. Нам следует поберечь силы. Как можно меньше движений.

ХАНС. Голова что-то закружилась... Нет, Господи, это не ты меня наказал, это мои друзья совершили ошибку... Понятно, нарушается кровообращение... *(Массирует затылок.)* Нужно сделать несколько физических упражнений...*(Начинает приседать.)*

ДЖОН *(с яростными жестами)*. Они боялись меня, потому что я дважды был первым! Я выиграл два кубка!

ИВАН. Что вы делаете, придурки? Нужно беречь кислород!

ДЖОН. А не за горами розыгрыш серебряной чаши! Конечно!

ИВАН. Ребята, вы слышите меня? Почему вы перестали меня понимать?

ДЖОН. Ещё этот русский орёт! Ему, видите ли, не нравятся деньги!

ХАНС. Нет, нам ничто уже не поможет. Всё кончено, господа, и нужно принять это как данность. По-мужски.

ДЖОН. Плевать я хотел на твои проповеди, тевтонский ублюдок. Вы когда-то хотели править миром. Ну и что, кто оказался сильнее?

ХАНС. Вы разве не видите, что вокруг каждого из нас образовалось свечение? А почему?

ИВАН. Ну вас к чёрту, делайте, что хотите. *(Занимает свой угол.)* А я поберёгу силы... *(Укладывается.)*

ХАНС. Это не просто так. Это значит, что мы уже не живые. Наши души должны приготовиться к встрече с Ним! *(Занимает свой угол.)*

ДЖОН. Да, меня ловко подставили... Но командир, командир вертолёта!.. Я же верил ему, как себе... *(Занимает свой угол.)*

ИВАН. Хотя зачем беречь эти силы? Чего ради? С этой подводной лодки мы уже не выйдем.

ХАНС. Странно, почему же тогда судорога до сих пор сводит руку? *(Массирует руку.)* Я жив или мёртв?

ДЖОН. Всё правильно. После того, как прыгнули Майкл и Билли, он увёл машину чуть в сторону. Туда, где был ветер. Теперь я вспомнил очень хорошо... *(Укладывается и что-то бормочет.)*

ИВАН. Напарник Иваныч всегда говорил, что для нас, потомков язычества, нет Бога. Для нас существуют только духи. Злые, добрые, равнодушные, справедливые, карающие... И они подстерегают нас на каждом углу, за каждым поворотом... Что же ты сам не полез в эту кишку, Иваныч?... Послал меня... Ох, Иваныч, Иваныч... Не хочу думать о тебе плохо, но мысли сами так и лезут... Ползут как матёрые спелеологи... Как духи моей судьбы... *(Дальше бормочет что-то бессвязное.)*

ХАНС. Кто-то из них плохо закрепил страховочный трос... Кто-то не защёлкнул карабин... Я не мог улететь так быстро... Кто же это?.. Нас было пятеро... Кто-то из четверых, оставшихся там... Интересно, они спустятся, чтобы искать меня?.. Нет, Курт позвонит на базу, вызовет поисковиков, укажет квадрат места падения, и прикажет продолжить подъём... Ведь мы так долго готовились... Я бы на его месте так и поступил... А ведь скорее всего именно он плохо закрепил страховку... Ведь он шёл первым, а я шёл справа... Значит, Курт?.. О, Бог мой, дай мне силы простить ему...

Через некоторое время в хор бормочущих мужских голосов вмешивается женский голос. Он приближается, и всё звучнее выводит рулады скорбной мелодии. Наконец заглушает их и обрывается, как толчок, от которого трое вскинулись, словно проснулись.

ДЖОН. Ты?!

ДЕВУШКА *(появившись перед ним, весело)*. Да, это я, Джо, здравствуй! Ты не рад меня видеть?

ДЖОН. Я тебя почти не вижу.

ДЕВУШКА. Ты часто отворачивался, чтобы не видеть меня...

ДЖОН. Тейма, это ты? Значит, я всё-таки умираю, если ты пришла ко мне в последний час?

ДЕВУШКА. Ты же часто думал обо мне...

ДЖОН. В последнюю минуту... Говори со мной, говори, спрашивай, задавай вопросы!.. Я боюсь, что твой голос утихнет...

ДЕВУШКА. Ты дрался... Ты опять, ты опять с кем-то дрался... *(Поправляет на нём одежду.)* Ну, потрогай мою грудь, тебе станет легче.

ДЖОН. Нет!.. Меня предали друзья... Меня подставили!..

ДЕВУШКА. А за что? Как ты думаешь?

ДЖОН. Ты хочешь сказать, что это была месть?

ДЕВУШКА. Нет, это ты думаешь, что произошло отмщение... Так тебе кажется... Не я держу тебя за руку... Ты держишь меня...

ДЖОН. Тебе больно?

ДЕВУШКА. Как всегда... Я всегда хотела тебя ласкать... Возьми лучше вот здесь...

ДЖОН. Не трогай меня!.. Я умираю?

ДЕВУШКА. Нет, ты должен спастись. Ради этого я и говорю с тобой. Не сделай, пожалуйста, неверного поступка.

ДЖОН. Тейма, послушай!.. Да, я виноват перед тобой, но я не виноват!.. Что я должен был сделать? Жениться и остаться навсегда в нашем городке? Мы бы жили вместе, ты бы родила детей, и что?.. Ну, что дальше?.. Ты же вышла потом замуж, родила, поэтому ко мне-то какие претензии?.. Что ты хочешь от меня, что ты не даёшь мне покоя?.. Нет, я не хочу покоя, говори, говори!..

ДЕВУШКА. Да, ты не любил меня, но ты же знал, что я тебя люблю... (Смеясь.) Всего... Везде... Особенно когда ты дрожишь!..

ДЖОН. Тейма, не надо опять!.. Знал, да знал, поэтому и убегал от тебя! Потому что надо мной смеялись... Я не мог!.. Я уехал, вырвался, всё, хватит об этом!.. Я сделал свою судьбу своими руками. Я учился, обрёл профессию, женился, у меня есть сын, я неплохо зарабатываю, у меня приличный банковский счет...

ДЕВУШКА. Зачем же понадобилось прыгать с парашютом на лыжах?

ДЖОН (подумав). Чтобы промчаться по Восточному склону.

ДЕВУШКА. Лучше было бы подняться, взойти к тому месту, откуда можно хорошенько прокатиться.

ДЖОН. На это уходит много времени. У нас была другая задача. Полдня подниматься, чтобы за пять минут съехать? Пусть этим занимаются тупые слаломисты.

ДЕВУШКА. Ну и что ты доказал?

ДЖОН. Я умру?.. Я умираю?.. Послушай!.. Ты же, ты меня тогда целовала, а не я тебя!.. Я... Я просто не смог... Ты хотела, чтобы мы были вместе, а я этого не хотел!.. Мне же говорили тогда, говорили!.. Если девушка тебя любит, чего тебе ещё надо?.. А мне не надо было этого, не надо!.. Поэтому я ушёл, вырвался, без помощи отца, который меня тыкал носом, ты наследник, ты должен жить здесь, ты должен, должен, должен!.. Я никому ничего не должен!..

ДЕВУШКА. Правильно. Никому ничего. Ты прыгнул. Ощутил себя между жизнью и смертью... Чего же теперь кричать?.. Ты же не слышал моих криков по ночам...

ДЖОН. По ночам?.. Значит, всё?.. Ночь?

ДЕВУШКА. Ты рисковал с уверенностью только победить. А так бывает не всегда. Когда ты уезжал, ты точно так же был уверен, что я не пропаду, ничего страшного со мной не случится. Ну так в чем дело, Джо? Я же встретила всю последующую жизнь мужественно. А ты дрожишь перед мгновением.

ДЖОН. Это несправедливо. Я не знаю за собой вины.

ДЕВУШКА. Но я же вот, пришла.

ДЖОН. Я не знаю, чего тебе надо... И не хочу знать!.. Зачем ты пришла? Поиздеваться напоследок?.. Я умру, задохнусь?.. Но это же несправедливо, я не хочу этого!..

ДЕВУШКА. Ты не умрёшь, Джон. Зачем ты прыгал на лыжах с парашютом, мне трудно понять. Да ты и не сможешь внятно ответить. Но у тебя есть шанс. Ты выживешь. Если сделаешь то же, что сделал со мной.

ДЖОН. Я?.. С тобой?.. Но ведь я же вообще ничего... Я же...

ДЕВУШКА. То же, что сделал со мной!

ДЖОН. С тобой?.. С тобой... *(Задумывается.)*

Девушка исчезает и тут же появляется перед альпинистом, более строгая и в другой одежде.

ХАНС. Это ты? Я знал, что ты придёшь в последний час. Значит, меня покараеть ты, а не Он? Я не понимаю, Тамара, если Он призвал меня, я у него, то при чём здесь ты? Ты-то здесь при чём? Я поднимался к Нему, а не к тебе...

ДЕВУШКА. Да, ты убежал от меня тогда... *(Бесстрастно.)* Ну и как тебе в горах? Не холодно?

ХАНС. Прошло столько лет... Много же лет прошло...

ДЕВУШКА. Прошло много лет, которые могли сложиться по-другому. Но уже всё.

ХАНС. Что – всё? Я хочу говорить с Ним! Я перед Ним хочу открыть свою душу!

ДЕВУШКА. Если ты её открыл, то и читай. Читай нехитрую свою библию.

ХАНС. Я должен был тогда уехать. Мне нужно было тогда уехать. И я уехал, потому что так было нужно! Мне нужно было учиться, обрести профессию...

ДЕВУШКА. А надо мной смеялся чуть ли не весь кантон. Она полюбила юношу так, что ему пришлось смыться. Так говорили.

ХАНС. Никто над тобой не смеялся. Я много раз приезжал к родителям на каникулы, и никто мне про тебя ничего не говорил.

ДЕВУШКА. Не ври!

ХАНС. Говорили, что ты вышла замуж, что у тебя благополучная семья...

ДЕВУШКА *(строго)*. Больше ничего не говорили?

ХАНС. Ты родила ребёнка...

ДЕВУШКА. Не от тебя!..

ХАНС. И слава Богу!.. Нет, я хотел сказать совершенно не так. Я прожил нелегкую жизнь, и нажил себе не только друзей... У меня часто бывает депрессия...

ДЕВУШКА. Это не болезнь, это приговор судьбы.

ХАНС. Почему ты так жестока?

ДЕВУШКА. Потому что ты этого заслужил. Прими встречу со мной как данность.

ХАНС. Ты пришла казнить?

ДЕВУШКА. Я пришла миловать.

ХАНС. Ты от Него пришла?

ДЕВУШКА. И от него в том числе. Почему ты, юноша Ханс, побрезговал девушкой Тamarой? Потому что она была из крестьянской семьи, а не из семьи учителей или банковских служащих? Да, я вышла замуж, как наказывали родители, у меня появился сын, но я всегда следила за газетами, чтобы вычитать про тебя хоть короткие строчки. Что ты окончил факультет. Ханс, что влечёт тебя в горы? Ты до сих пор убегаешь от меня? Ты же мог закончить церковную школу, тебя бы послали учиться в Рим. Наш пастор всегда называл тебя Готлиб, любимец Бога. Я страшно гордилась тем, что мне предназначен именно такой юноша.

ХАНС. Чего теперь об этом? Посещая проповеди пастора, я всегда вглядывался в лица прихожан. И в один момент просветления меня поразила мысль!.. Если я стану священнослужителем, меня каждый день будут посещать точно такие же серые, неотёсанные лица? Они же не способны понять тех слов, которые им вдалбливают, так как ждут лишь чуда, спасения, радости от рухнувшего с небес счастья. А оно не может рухнуть, пастор не может им дать того, чего нет, у него другая миссия, заставить их души работать, самим преодолевать жизненные трудности, находить интересы... Я не хотел, понимаешь?.. Я не хотел банальности, каждодневности, скуки!.. Я не понимаю, зачем Он меня создал, и правильно ли я поступил в жизни, но мне ответить может только Он. Не ты! Твой ответ я знал заранее и не хотел его. Это сейчас мне думается, что вариант женитьбы на тебе был бы ближе к истине... А что есть истина, как говорили предыдущие?..

ДЕВУШКА. Чтобы понять её, стоило подниматься по такой отвесной скале?..

ХАНС. Ты хочешь сказать, что это ты оборвала страховочный блок, а не Курт? Или ты подтолкнула его руку? Да он же не знал о тебе, я никому про тебя не рассказывал... У Курта была другая причина, хотя я не думаю, что из-за этого... Я всегда посмеивался над его сестрой. Он знал, что я не люблю свою жену, даже знал, что она тайком от меня погуливает. Он советовал мне развестись и обратить внимание на его сестру, которая создана быть верной супругой. Я посмеивался, отшучивался, а однажды сказал такое!.. С её лицом, сказал я, только стоять на проповеди в первом ряду и ждать чуда... Меня словно бес под ребро кольнул... Зачем я это сказал?.. Курт не мог сделать специально, он не доглядел просто... Но этого ему не простится... Да, да, не простится... Но причём здесь ты? Зачем ты пришла? Что ты ходишь за мной? Если у меня есть хоть какая-то возможность выжить, то скажи. Если нет, то уйди. Я хочу с Ним разговаривать. Но Он почему-то не отвечает.

ДЕВУШКА. Я отвечу на твой вопрос. Вернись ты тогда, после учёбы, и мы были бы счастливы. Тебя бы не занесло сюда, в пещеру душевной пытки. С тобой бы рядом находилась заботливая женщина, и ты любил бы наших детей.

ХАНС. Да что теперь!.. Смешно говорить, глупость. Я бы всё равно полез в горы. Я нашёл это занятие, как потребность для тоскующего сердца... Да что теперь...

ДЕВУШКА. Ты не умрёшь. Пока вокруг тебя держится свечение, у тебя есть шанс... Ты спасёшься. Если сделаешь то, что сделал со мной тогда!..

ХАНС. Тогда?.. А что я сделал?.. Боже, дай мне понимания...

Девушка исчезает и появляется, изменившись, перед спелеологом, говорит с ним ласково.

ДЕВУШКА. Ванечка, здравствуй, милый!.. Здравствуй, мой хороший...

ИВАН. Если ты во сне, то здравствуй...(Вскидывается.) Или ты не во сне? Как ты здесь? Что со мной? Начались галлюцинации? Я уже в бреду?

ДЕВУШКА. Ты на грани. Но все прекрасно понимаешь. И спрашиваешь себя. А как бы сложилась твоя жизнь, если бы тогда вернулся в посёлок своего детства?

ИВАН. Женился бы на тебе, устроился работать в леспромхоз, ловил бы рыбу... Томочка, ты мне простить не можешь, что меня понесло по городам и весям, и я добрался даже до столицы? А я бы себе не простил, если бы остался. Я бы спился там, изжевал бы себя угрызениями, и, чего доброго, повесился бы от тоски. Родина, родина... Громкое слово. Если волком завоешь от беспросветности, то на хрен такая родина? Родина там, где душе комфортно.

ДЕВУШКА. И ты нашёл это место здесь, под землёй?

ИВАН. Да! Мне интересно. Я сознательно пошёл на это, я много занятий перебрал, и не жалею. Хотя жалко, конечно... По дурости, вот что противно... Не я, Иваныч должен был залезть в эту кишку.

ДЕВУШКА. Почему ты не взял тогда меня с собой? Ведь я бы поехала за тобой хоть на край света. Ты же знал, как сильно я тебя любила.

ИВАНЫЧ. На край света... И ты бы полезла вместе со мной в лабиринт, чтобы провалиться сюда? Ты бы спасла меня в последнюю минуту?

ДЕВУШКА. А я спасу тебя.

ИВАН. Ну что ты несёшь, Томочка? Или это я сам брежу? Что происходит?... Да, я знаю, что ты сильно пила и дважды лежала в психушке. Муж от тебя сначала ушёл, потом загнулся. А дочка мается, стараясь вылечить тебя... Ты пришла сказать, что в этом виноват я? Ну, так давай, кончай быстрее, не трави душу.

ДЕВУШКА. Ты ведь знал, что со мной именно так произойдёт.

ИВАН. Твою мать!.. Каждый человек выбирает свою дорогу, своими руками творит личную жизнь и судьбу. Каждый хочет, чтобы жить было интересней!..

ДЕВУШКА. И губит ради этого жизнь другого человека?

ИВАН. Ты хочешь, чтобы я покаялся, встал перед тобою на колени?

ДЕВУШКА. Ну что ты, Ванечка!.. Ты сильный, ты никогда ни в чём не каялся, никогда ни о чём не сожалел. Даже когда жена от тебя ушла из-за твоих постоянных измен. Даже когда погибли два твоих товарища...

ИВАН. Значит, я должен покаяться перед всеми? Я думал, только перед тобой... Хорошо, давайте... *(Встаёт на колени.)* Только услышат ли они? Что им теперь мои слова? Жена благополучно вышла замуж... Ребят мы похоронили с почестями... А Иваныч, будем считать, отомстил мне, хотя мне казалось, что он смотрел сквозь пальцы на то, как я щёлкнул его жену. Потому что она очень этого хотела!.. Он знал про её ненасытность и даже гордился тем, что относится к ней мудро, с пониманием... Но мне, оказывается, до конца простить не мог... Так, что ли?

ДЕВУШКА. А вот я бы не бросила тебя, Ванечка. Я так хотела быть с тобой повсюду. Я дважды выезжала в отпуск и разыскивала тебя. Второй раз, когда ты уже был женат...

ИВАН. Знаю... Ну, ладно, говори. У меня нет никаких шансов? Я плакаться не буду.

ДЕВУШКА. Ты спасёшься, Ванечка. Только следи, чтобы свечение вокруг тебя не погасло. Послушай внимательно. Сделай то же, что ты сделал со мной, и ты спасёшься.

ИВАН. Не понимаю... Я же тебе ничего такого не сделал... Я заставил себя ничего тебе не сделать!.. Я убегал от тебя, пока не убежал окончательно... Я должен отсюда убежать?

ДЕВУШКА *(хитро улыбаясь и грозя пальчиком)*. То же, что сделал со мной!..

Напевая, девушка подходит к Хансу, гладит его по щеке. Подходит к Джону, взъерошивает ему волосы. И пропадает в темноте, пение стихает. Мужчины засуетились, каждому не сидится на том месте, которое он выбрал для успокоения.

ХАНС. Эй, послушайте!.. Ко мне только что приходила женщина. Вы не видели её?

ИВАН. Ты опять зачавкал на своём тарабарском языке? Мне не до тебя. Мне нужно понять, зачем ко мне приходила девчонка из детства.

ДЖОН. Мне как-то неловко об этом говорить, парни, но со мной сейчас происходило что-то странное. Девушка, которая когда-то давно любила меня, вдруг возникла передо мной и заговорила.

ХАНС. Да, действительно, как вы могли её видеть? Она призвала к ответу меня, а не вас. Значит, призраки всё-таки существуют?

ИВАН. В детстве, в юношестве, до самой армии, в общем, меня любила одна чумовая деваха. Которая готова была на всё.

ДЖОН. Она всегда подшучивала надо мной. Издевалась, как хотела. Потрогай мою грудь, потрогай мою грудь!.. Я сердился на неё, дважды собирался поколотить, а мне твердили в оба уха, ты что, она же тебя любит.

ИВАН. Я старался не обращать на неё внимания. А когда ушёл в армию, она узнала адрес и давай мне писать. Я не отвечал, пока не надоело, а потом сообщил ей прямо и откровенно своё мнение. Ты давай там определяйся, выходи замуж, а про меня и думать забудь. Я не вернусь домой. Куда возвращаться? Отец ворует лес, занимается браконьерством, а мать профессионально гонит самогон. На хрен мне такое счастье?

ДЖОН. Она и сейчас только возникла, дотронулась до меня, и у меня сразу же зашевелилось в штанах. А уж как тогда ей такие шутки нравились, мне даже и вспоминать не хочется.

ХАНС. Неужели она явилась, как богиня моей судьбы? Как Брюнгильда? Как валькирия или как норна? О, Бог мой, прости меня!.. Валькирии, норны – это древние представления. А я верю в тебя, в тебя одного... Уйди от меня, Тамара!.. Но что же значат твои слова? Ведь они что-то значат?

ДЖОН. Но её слова я хорошо запомнил... Ты должен сделать... Я же ничего такого ей не сделал... Глупости!.. Всё, прочь! Парни, вот что, давайте искать какой-нибудь выход. Мы говорим, говорим, но ничего не предпринимаем.

ИВАН. Так, ребята, если у меня начались галлюцинации, значит всё, труба. Давайте, пока не начался полный бред, примемся за дело. *(Ищет топорик, находит, начинает шарить по стене рукой.)*

ХАНС. Не могут они ничего значить, её слова. Бог мой, только ты поможешь мне выбраться отсюда. *(Ищет ледоруб.)*

ДЖОН. Если мы очутились в этой заднице, то должен быть и какой-то выход отсюда. *(Находит нож, тычет им вокруг себя по стенам.)*

ИВАН. Нас какой-то силой засунуло в этот анус. Значит, должно быть, отверстие. Как говорил Иваныч, у нас всегда есть два выхода, причём один из них вход. Ох, Иваныч, Иваныч!..

ДЖОН. Вы ничего не понимаете, ублюдки. Слушайте меня! Откуда мы сюда попали? Давайте искать это место!

Шаря по стенам и полу, давая друг другу советы, сходятся на авансцене.

ХАНС. Вот! Вот здесь, вот здесь!

ИВАН. Стоп, ребята! Без паники. Это явно выход.

ДЖОН. Нашёл! Здесь вход! Его завалило, но это вход!

Начинают бить и тыкать своими орудиями в край сцены. Свечение вокруг них замигало. Раздаётся женский вопль: «Нет!» Трое замирают, в ужасе делают шаг назад и валятся с ног от грохота обвала. Каждый держится одной рукой за подвернувшийся выступ, а другой за одежду находящегося рядом. Гул стихает.

ДЖОН (*приподнявшись*). По-моему, я сделал что-то не то. Это был обвал?

ИВАН (*тоже приподнявшись*). Вы слышали голос? Он заставил меня вовремя остановиться.

ХАНС. И свечение замигало... Мы же чуть не погибли, идиоты!.. Спасибо тебе, Господи, что предупредил.

ДЖОН. Какого чёрта мы стали прорубаться? А чего ты меня держишь? Так это ты не дал мне улететь?

ИВАН. Хорошо, что я зацепился... Что, это твоя рука?

ХАНС. О, да ты меня крепко схватил... Ты меня выручил...

ДЖОН (*садится*). Я был уверен, что держусь сам...

ИВАН (*тоже садится*). Ты же меня спас, я был на грани!..

ХАНС. Я думал, что Он меня уберёт... А это твоя рука... Наверняка, это Он дал мне твою руку!.. Ах да, ты же не веришь...

ДЖОН. Ты же спас меня, приятель!.. Ха-ха!..

ИВАН. Дружище, если бы не ты, я бы ушёл на холодец!..

ХАНС. Спасибо! Я так благодарен, спасибо!.. Да, но ведь сначала же был голос... Он предупредил меня, что туда нельзя... (*Пытается заглянуть за край сцены.*)

ИВАН. Я чётко помню голос... Он меня прямо толкнул оттуда... (*Осторожно передвигается на авансцену.*)

ДЖОН. Она крикнула, и я успел отскочить... (*Ползёт на четвереньках к краю.*) Ничего не видно... Лучше бы такого и не видеть... А где мой нож?

ИВАН (*заглянув как в бездну*). Ни хрена себе!... В первый раз такое перед глазами... А уж я-то поползал... Топор, мой топор... (*Ищёт вокруг себя.*) Улетел мой топорик... (*Находит камешек и бросает в темноту перед собой.*)

ХАНС. А что это? Пропасть под землей? Разве такое бывает? Я же мог улететь туда... Кто же меня предупредил?..

ИВАН. Да, глубина приличная... (*Осторожно поднимается на ноги.*) Томочка, спасибо тебе... Я услышал твой голос...

ДЖОН. Это бездна. Так выглядит бездна. Хотя освещение могло бы быть получше напоследок... Было какое-то странное мигание... Тейма, я всё понял... Я буду благодарен тебе до самой смерти...

ИВАН. Нужно держаться подальше от края... (*Остальным.*) Может ещё раз обвалиться... Слышите, вы, придурки нерусские?.. Назад, назад!.. Туда, туда!.. (*Объясняет жестами.*)

ХАНС. Кто же меня спас? Он или она? Тамара, если это был твой голос, то ответь, пожалуйста... Ты выхватила из моих рук ледоруб?

ИВАН. Ребята, ну отойдите!.. Если пошли обвалы, то это не конец. Вернее, самый конец впереди. И называться он будет иначе.

ДЖОН. Русский, заткнись!.. Тейма, получается, что я благодарен тебе до самого этого часа? Ну, а куда же дальше-то быть благодарным?

ИВАН. Ребята, земля шутить не любит. Поверьте мне. *(Отходит подальше.)* Томочка, я поверил в твою любовь. До самого-самого!..

ХАНС. Да что вы лезете с советами, если не говорите по-немецки? Дайте мне сказать ей напоследок!.. *(Отходит к спелеологу.)* Понимаешь, я начал сомневаться в том, что это Он меня спас. Он-то как раз швырнул меня сюда!.. Не понятно за что... Но спасла меня только она, Тамара! Понимаешь?

ИВАН. Да согласен, я ничего не понимаю. Но ты туда больше не лезь! Так сказала моя Томочка. Единственная из всех девушек, которая хотела сама мне отдаться. И этим заслужила ласкательное имя. Я больше никого так ласково не называл. А мне перед ней теперь стыдно, что я отказался. Ведь так же нельзя.

ДЖОН *(подходя к ним)*. Да что вам от меня надо? Дайте сказать напоследок девушке слова благодарности!.. Какое вам до меня дело?

ИВАН. Один из вас меня спас, конечно... Но по большому счёту - она.

ХАНС. В том, что ты держал меня, не было особого проку. Спасибо, конечно. Но сначала был голос!..

ДЖОН. Ты схватил меня и не дал улететь?.. Или ты?.. Но мы же могли улететь туда вместе!.. Но не улетели... Почему?.. Потому что она, она мне крикнула в последнюю секунду!.. Понимаете вы это своими мозгами?.. Или они у вас от страха в штаны вытекли?

ХАНС. У меня к вам предложение, господа.

ДЖОН. Я хочу вас предупредить. Я серьёзно вас предупреждаю. Давайте договоримся, что здесь предпринимаю действия только я.

ХАНС. Мне был голос оттуда. Если я что-то сделаю, то буду спасён.

ИВАН. Да плевать я хотел на твоего бога. Веришь ты в него, ну и слава ему. Но только не надо никуда лезть самостоятельно. Сядь в углу и молись.

ХАНС. Если я буду спасён, то и вас вытащу отсюда. При условии, что вы не будете мешать.

ИВАН. Только я могу найти реальный выход. Как специалист. Мне духи нашептали, что у меня есть шанс.

ХАНС. Вы не верите, а я верю. Поэтому только мне и будет дано. Вам нужно только сидеть и терпеливо ждать.

ИВАН. А если начнёте совать руки куда ни попадая, то мы накроемся. Вот, только что был обвал. Какого хрена вы туда полезли? Я бы осторожно прорубился, и всё было бы в порядке.

ДЖОН. Очень хорошо. Правильно. Только отойдите подальше, и там доказывайте кто из вас тупее. А я должен совершить какое-то действие.

ИВАН. Не надо лишних телодвижений, понимаете?

ДЖОН. Ради общего блага, поймите. Ради нас всех!

ИВАН. Ну как же вам объяснить? Не вынуждайте меня применять силу, одним словом. А то свяжу и в угол посажу.

ДЖОН. Учтите, если что, мне придётся вас изолировать.

ИВАН. Ребята, я дурак... Я законченный придурок!.. *(Бьёт себя по голове.)*

ХАНС. Почему он хватается за голову?

ДЖОН. Что, проверяешь на прочность свою каску?

ИВАН. У меня же есть выпить!.. *(Достаёт из кармана комбинезона узкий металлический термос.)* Это настоящий коньяк.

ДЖОН. Коньяк? Вау!

ИВАН. Водка сначала греет, но потом становится холодней. А этот аккумулятор держит как надо.

ХАНС. У меня тоже есть выпить. Ирландский джин. *(Роемся в своих многочисленных карманах.)*

ИВАН. Да ты что!..

ХАНС. Хороший глоток этого напитка взбадривает как удар копытом.

ДЖОН. Парни, извините, но у меня ничего нет.

ИВАН. Мы должны отметить чудесное спасение!.. *(Находит место, где можно разместиться.)* Сюда, сюда!..

ХАНС. Вот!.. Джин – горлодёр. *(Ставит на каменный выступ небольшую пластиковую фляжку.)*

ИВАН *(разглядывая ёмкость Ханса)*. У твоего пузыря, Ханс, есть существенный недостаток. Нет стакана. А у меня есть. *(Отвинчивает крышку термоса.)* Вот, видишь?

ХАНС. Зачем стакан? Я наливаю сюда. *(Отвинчивает крышку фляги.)* Здесь ровно глоток. Выпиваешь раз, потом два, три... Если мало – четыре, пять... И хватит.

ИВАН. Ты собираешься пить за чудесное спасение вот из этого колпачка? *(Джону.)* Тебе не кажется, что немцы чересчур экономный народ?

ДЖОН *(улыбаясь)*. Я у вас в гостях.

ИВАН *(Хансу)*. Будешь пить из моего стакана, понял? Будем пить, как положено. *(Наливает.)*

ДЖОН. Из одного стакана?

ХАНС. Русские любят пить из одной кружки. Мне дед рассказывал. Он воевал.

ДЖОН. У них проблемы с посудой?

ИВАН *(подавая крышку от термоса Джону)*. Давай.

ДЖОН *(взяв крышку)*. За чудесное спасение!.. *(Чуть отвернувшись, поднимает голову вверх.)* Благодарю тебя, Тейма!.. *(Выпивает неторопливыми глотками.)*

ИВАН *(Хансу)*. Он кого-то благодарит, обратил внимание? Джон, кого ты поблагодарил?

ДЖОН *(отдавая крышку)*. Ха-ха!.. Отличный напиток.

ХАНС *(взяв наполненную крышку)*. Господи, побереги её... Пусть она будет счастлива... *(Отпивает половину, ставит крышку на «стол»)*.

ИВАН *(Джону)*. Он по-прежнему благодарит Бога за своё спасение. А почему ты половину оставил, Ханс? *(Кивнув наверх.)* Он что, помногу не принимает?

ХАНС. Я выпил, спасибо.

ИВАН. Ну и как мне теперь?.. Ладно, долюю. Я парень не гордый. *(Подняв крышку вверх.)* Томочка, спасибо тебе!.. *(Выпивает одним махом.)*

ДЖОН. Вау!.. *(Берёт крышку от термоса и крышечку от фляжки, сравнивает.)* Это один глоток... И это один глоток...

ХАНС. А ты кому сказал «спасибо», Иван?

ИВАН. Я?.. Ну, я же объяснял вам, ребята. Мы под землей верим в наших духов. Вот я и поблагодарил свою берегиню.

ХАНС. Тебя спасли мы. Это мы тебя удержали, когда ты чуть не улетел.

ИВАН. За нас мы сейчас и выпьем. *(Наливает Джону.)* Вперёд.

ДЖОН. За вас, парни! В следующий раз обязательно захвачу с собой пирог, какой может печь только моя мама. *(Выпивает.)* Ха-ха!

ИВАН. В следующий раз? *(Хансу.)* А говорил нам, что англичане пессимисты. *(Подает ему наполненную крышку.)* Держи.

ХАНС *(подняв крышку)*. Я рад был познакомиться с вами, господа. Пивнушку мы выбрали не самую удачную... Но атмосфера здесь сближает. *(Отпил, поставил.)* Спасибо.

ИВАН. Он опять не допил!.. *(Джону.)* По-моему, он нас не уважает.

ХАНС. Я не могу выпивать всё.

ИВАН. Сказал бы сколько, я бы налил поменьше.

ДЖОН. Иван, пойми, есть такие общества, где не принято выпивать до конца. Всегда оставляют половину. Это как знак культуры, уважения.

ИВАН. В нашем культурном обществе это знак не-уважения. Тем более, под землёй. Когда пьём из одного стакана. Ну, и куда это теперь? На, допей, если ты его защищаешь.

ДЖОН. Хорошо... *(Берёт крышку, улыбается.)* За тебя, Ханс... За твоё чудесное спасение... *(Выпивает.)* Получилось! Одним глотком!

ИВАН. Ну дак, с кем поведёшься!.. *(Наливает себе.)* Нет, я понятия уважаю. У меня есть друг, бурят. Так он меня буквально изводил. Все выпьют до дна, а он чуть-чуть обязательно оставит. В чем дело, спрашиваем? Ты как к нам относишься? По башке дать? А у него репа вот такая. Говорит, что в черепах его народа самое большое количество мозгов, среди всех живущих народов на земле. А не допивают они потому, что оставляют духам предков. Они не язычники, они буддисты. Но такие, бурятские. Он не допьёт и остатки раз через плечо. Предкам. Когда я это понял, стал относиться с уважением. Но чтобы полстакана через плечо?.. Вы меня извините.

ХАНС. Пей, Иван. Всё хорошо.

ИВАН. Так, за что? Ах да, за нас... Мы сидим как в том анекдоте. В детстве у нас были такие анекдоты. Собрались немец, американец и русский. У вас таких анекдотов не было? Ну, не просто собрались, они попадают в разные ситуации. Проводят конкурс кто больше выпьет, у кого лучше дороги, у кого какие женщины... Попадают на необитаемый остров, попадают в плен... Вот, про плен я сейчас вспомню...

ДЖОН. Да пей, пей.

ИВАН. Сейчас, ты послушай... Попали в плен к персидскому шаху русский, значит, немец и англичанин. Шах, конечно, злой-презлой, но и добрый. Захочу, говорит, голову отрублю, захочу – на кол посажу, а захочу – помилую. Вот покажите мне своё мастерство. Кто за ночь нарисует картину, которая мне понравится, того утром отпущу и награжу в придачу. Немец хорошо рисовал, запомнил лицо шаха, поэтому изобразил его воином, на коне, в доспехах, в глазах неустрашимость, сабля такая острая, что летящему комару задние ноги отсекает. Англичанин рисовал хуже, но умел изобразить формы. Он нарисовал вот с такой грудью прелестную красавицу. Гурию, которую посылает аллах в раю храброму воину. Она ласкает его все бесконечные ночи, а наутро вновь становится девственницей. У них такие понятия. А русский вообще рисовать не умел. Взял он краски, сколько дали, и вымазал ими стенку как попало. Утром шах пришёл к немцу, ему картина очень понравилась. Пришёл к англичанину и чуть не кончил. Пришёл к русскому... и спрашивает. А что именно изображено? Это бой верных сынов аллаха с неверными. Шах присмотрелся и говорит. Как-то вот не совсем понятно... Русский и отвечает. Да что можно понять, когда все обкурены. Ты забей косячок, шах, и сразу врубишься. *(Небольшая пауза.)* Да, не смешно я рассказал... Вот Иваныч у нас классно анекдоты рассказывает.

ДЖОН. Ты выпьешь, наконец?

ИВАН. Да выпью, куда вы гоните? Главное же не нажраться, а посидеть... Ага! Всё, Джон, я тебя понял. *(Выпил и поставил крышку перед Джоном.)* Первая заповедь - не задерживай посуду. Третий тост за женщин. Мы за женщин ещё не пили?

ДЖОН *(не сразу)*. Нет, ещё не пили.

ХАНС. Нет, кажется, нет.

ИВАН. Теперь отпробуем твоего напитка, Ханс. Сколько, говори, полный наливать? *(Наливает.)*

ДЖОН. Коньяк и джин? *(Показывает на живот.)* У меня там будет коктейль? Я люблю коктейли!

ХАНС. Там получится ядерная смесь. Тебя разнесёт на кусочки.

ИВАН. Не разнесёт, а пронесёт.

ХАНС. Давайте, оставим на потом?

ИВАН. Какое потом, Ханс? Счет пошёл на минуты!.. Поднимай, Джон. За женщин вообще, или за конкретную. Можешь даже что-нибудь рассказать.

ДЖОН *(несколько развязно)*. Мне до сих пор не даёт покоя одна девчонка... Сейчас она, конечно, изменилась, а тогда была проказница, палец в рот не клади... Мы жили на краю города, в хороших домах, учились порознь, но по воскресным дням собирались на прогулках большими компаниями. За спортплощадкой паслись овцы и коровы. И вот как только животные начинали друг на дружку вспрыгивать, а всех это развлекало, она тут же ко мне и на ушко шепотом... Джо, а ты не хотел бы так же попробовать?.. Джо, а у тебя нет желания напрыгнуть?.. И тут же отбежит и смеётся. Можете себе представить? Вот ты говорил про грудь, показывал... У неё почти такая и была. Если телёнок на наших глазах сосал вымя, шалунья оказывалась рядом и дразнила. Джо, сделай мне так же!.. Парни стали меня задирать. Как ты можешь отворачиваться от такой груди? Я был сильный, мог достойно ответить, спуску никому не давал. А она надо мной издевалась и тайком и открыто, при всех. Как-то по телеку прошёл французский фильм с довольно откровенными сценами. На следующий день мы его бурно обсуждали. Девчонки отдельно, парни отдельно, но, естественно, дискуссия перешла в совместный спор и насмешки друг над другом. Сколько нам было тогда? Лет по четырнадцать? И вдруг эта дрянь берёт меня под руку и говорит. А хочешь, я тебя поласкаю, как в том фильме? Может, и ты станешь смелее. И рукой по этому месту как мне проведёт!.. Этого никто не видел, но мне показалось, что видели все. Я вышел из себя, рассвирепел... Парни не дали мне её поколотить, ну хоть как-то наказать. А все навеселе, мы надрались пива, начались рождественские каникулы. Ну и начались расспросы, как, что, почему... А она смеётся!.. Да этот болван шуток не понимает!.. А я был серьёзный парень, занимался спортом, какие могут быть шутки? И я в ответ громко при всех поклялся, что в жизни не притронусь к её груди. Через несколько дней наступило Рождество, и эти мерзавцы, дружки с девчонками, принесли на крыльцо нашего дома, под ёлочку, пирог в форме пышных грудей. Две вишенки как соски... Сейчас смешно вспоминать, а тогда!.. Я готов был убить. Ещё родители стали подшучивать, что скоро в доме появится невеста.

Но я заявил, что дальше хочу учиться в Америке. Там легче с дисциплинами, легче сдавать экзамены, легче диплом получить, и намного лучше спортивная база. У них сноубординг уже катил вовсю, а у нас его тогда не признавали ещё, относились скептически. В последний вечер перед отъездом она отыскивала меня, чтобы попрощаться. В своей язвительной манере пожелала мне счастливого пути и спортивных достижений. А я не удержался и пожелал ей поскорее найти жениха, потому что такой шикарной груди нельзя долго находиться без присмотра. Тут она не выдержала, слёзы брызнули, и говорит... Эта грудь выросла для тебя, Джо... Но я не поддался. Я держался молодцом.

ИВАН. Так и не того?..

ДЖОН. Я сдержал слово. В Америке я закончил колледж, подом университет, хорошо выступал на соревнованиях, женился, работал, а вернулся домой после смерти отца, чтобы не оставлять мать одну в нашем большом доме. Она старой закалки и не хотела продавать участок. Мне повезло с работой, деньги хорошие, и есть возможность тренироваться... Но её грудь и смех не дают мне покоя... Они преследуют меня повсюду... Вот и здесь... Нет, не буду рассказывать... *(Поднимает голову вверх, шепчет что-то и выпивает.)*

ИВАН *(Хансу)*. Вот ведь... *(Наливает ему.)* Давай теперь ты.

ХАНС *(взяв крышку)*. Если мы пьём за женщин, а у меня их было не очень много... Мало было, если честно сказать... Но выпить я хочу за девушку, с которой у меня ничего не было. Была сильная школьная увлечённость. Как дети одного церковного прихода, мы любили вместе играть, лепить фигурки, рисовать картинки из жизни святых. Меня тянуло к ней не сексуальное чувство, я тогда в этом ничего не понимал. Нас бегало много, учеников разных классов, но на улице мы с ней всегда оказывались вместе. Как только нас стали дразнить «жених и невеста», во мне родилось чувство протеста. Отец-настоятель твердил мне, что если я испытываю рвенье к церковной службе, то это один путь, и если на него решиться, то придётся отказаться от многих мирских усад. А если я хочу посвятить себя светским наукам, то это другой путь, по которому следует идти с надёжной спутницей. Я должен был выбрать. Я не торопился. Оба пути казались мне мрачными. Родители настаивали, чтобы я выучился на агронома. Рано или поздно, твердил отец, вся эта несправедная банковская система рухнет, и клерки, дьявольское отродье, останутся без работы. В адвокаты тоже лучше не иди, деньги, конечно, хорошие, но в такой грязи вывозишься, что потом не отмоешься. А работа на земле пусть не очень прибыльна, зато честная. Я не мог выбрать. Повсюду меня угнетала монотонность, повседневность, беспросветность, каждый день из года в год одно и то же. Я не видел радости на лицах своих земляков, одно лишь обречённое смирение. Девушка эта, видя, как я мечусь, вела к тому, что лучше всего жить с родителями. Если нас дразнят, пусть так и будет,

не обращай внимания, а лучше скажи им всем, что да, она моя невеста, сразу отстанут. Когда она была рядом и так говорила, мне становилось легко, я был уверен в себе, полон решимости. Как только я оставался один, меня грызли сомнения. В один прекрасный, солнечный, весенний день мы с ней уединились и так расчувствовались, что поклялись друг другу всегда быть вместе. Она была строга в своей правильности, подвела меня к церкви и потребовала, чтобы я дал слово, поклялся. Лучше бы она этого не делала. Я дал слово. А потом остро ощутил, что меня связали по рукам и ногам. Сдав экзамены, я поехал на каникулы к родственникам, а на самом деле убежал. Не вернулся. Я даже не попрощался с ней. И ни разу не написал после. Обо мне она узнавала от родителей, легко могла взять мой адрес, но я не получил от неё ни одной весточки. Я закончил медицинский факультет, но хорошим врачом не стал. С женитьбой тоже не сложилось. Я вновь сделал не тот выбор. Но вспоминаю только её. Девушку, к которой меня всегда тянуло. Но между нами ничего не было. *(Пьёт.)*

ИВАН. До дна, до дна, до дна!.. За такие чувства только до дна.

ХАНС. Вот так. *(Ставит крышку перед Иваном.)* Теперь твоя очередь.

ИВАН *(возмущённо)*. Он опять не всё выпил!.. Да что же ты издеваешься над нами, фриц несчастный?

ХАНС. Я Ханс!

ДЖОН. Иван, не старайся изменить чужих привычек. У него европейское воспитание. Я не смогу тебе объяснить. Да ты и не поймёшь.

ИВАН. Воспитание... *(Опустошает крышечку через плечо.)* Это не мой напиток, поэтому не жалко. У меня тоже воспитание.

ХАНС. Позволь, я тебе налью? *(Наливает в крышку из своей фляжки.)*

ИВАН. Спасибо... Не сердись на меня... Я бываю придурком... И рассказ у меня придурковатый... До армии я имел несколько женщин. Посёлок у нас был большой, девки водились. А в нашей компании, в которой я куролесил, дружилась одна деваха. При делах, и здесь и здесь, аппетитная, но на нее никто не покушался. Она была сестрой одного из наших. Честный парень, прямой, за что потом и на срок нарвался. Поэтому к ней все только с уважением, бережно, как к другу. А её брату по херу тронет её кто-то или не тронет. Он мне на рыбалке как-то у костра откровенно так... Да щёлкни ты её, не видишь, что ли, как девка по тебе сохнет? Ага, думаю, щёлкнешь, а потом мне два ствола на гланды, давай женись? На хрен мне такие пряники? И вот, значит, провожают меня в армию... Родители большой стол организовали. Весело так сидим, человек десять, нет, больше. С одной из подруг у меня всё в порядке было, и я надеялся, что с ней прощальную ночь покувыркаюсь.

И вдруг эта самая деваха, которая бегала за мной повсюду, но всегда прятала глаза, когда я на неё смотрел... У неё было на что посмотреть... Вдруг она как заплачет!.. Я после третьего стакана, мне хорошо, ну и обалдел, конечно, хорошо ведь сидим. А меня толкают, давай, успокой девчонку, чего ты?.. И нас чуть ли не на руках в отдельную комнату. Там я обнял её, давай гладить, не надо, успокойся, подумаешь – армия, каждый уважающий себя мужик должен в сапогах побывать, я же не урод какой-нибудь... Ну и поцеловал её, в лоб куда-то, в щёку, в шею, несколько раз поцеловал... И она вдруг начала раздеваться!.. Я знаю, что ты меня не любишь, говорит, всхлипывает, и пуговицы одну за другой раз, раз, раз... Я обомлел. Мне до этого приходилось самому настаивать, просить, чуть ли не силой брал иногда... Чаше, конечно, не получалось... А тут вот так, запросто, причём, я же знаю, что она нетронутая... И я не смог! Не решился. Не захотел даже. Томочка, говорю, само собой как-то так вырвалось, Томочка, не надо, мне же нечем тебе ответить!.. Выскочил к столу, ещё стакан засандалил. А компания уже расходится, решили нас наедине оставить. Я их не пускаю, тяну за стол, подружке опробованной намекаю, давай, мол, попозже схлестнёмся, уважь будущего солдата. А она – да ты что, хочешь, что б мне Томка потом глаза выцарапала? Ты давай с ней простиись по-человечески. А я не смог. У неё большое, настоящее чувство!.. А у меня что? Значит – нельзя! Не смог себя заставить. Баб у меня было навалом, но только её почему-то до сих пор вспоминаю... Простить себе, наверное, не могу...

ДЖОН. Я терпеливо выслушал тебя, Иван, потому что того требуют правила приличия. Вежливо слушал, почти ничего не понимая... Зачем я рассказал вам свою историю?.. Какое вам до меня дело?.. Теперь я понял, что значит, сделай то же, что ты сделал со мной... Неужели я насмеялся над тобой, Тейма? Точно так же, как сейчас, иронизировал?..

ИВАН. Ты о чём? Я что-то перестал тебя понимать. Давай, ещё выпьем?.. Зачем я про себя рассказал?.. Да вы, по-моему, ни хрена и не поняли.

ДЖОН *(вставая и отходя в сторону)*. Воспитанный джентльмен приходит в общество, в клуб, задаёт несколько вопросов, решает деловые проблемы, благодарит и уходит. Нельзя быть таким откровенным болтуном. Нельзя так навязываться собеседнику. Потому что слушающий начинает анализировать твои умственные способности.

ИВАН *(Хансу, кивая на Джона)*. Ему стало плохо.

ДЖОН. Неужели я сейчас сделал то, как относился к ней? И что же? Буду за это спасён?

ХАНС. Я не хочу больше пить. Мне нужно побыть одному. Я всегда не любил эти швабские застолья, когда размахивают пивными кружками и горланят общую песню. Давайте заглянем Матильде под юбку!.. Очень остроумно. Я как-то поучаствовал в подобном сборище, наорался до одури, а потом очень скверно себя чувствовал. Спасение души в одиночестве!..

ИВАН. Ты опять предлагаешь оставить на потом? Никакого «потом» не будет, Ханс! Если обвалы пошли один за другим, то вот-вот начнётся сход лавины и нас в этой дырке закупорит навсегда. Если ты лазил по горам, должен быть в курсе. Не знаю, мне твой напиток понравился. *(Наливает себе ещё.)*

ХАНС *(заняв свой угол)*. Я здесь должен сделать то же, что сделал тогда... А что я сделал?.. Бежал... Я должен отсюда бежать?

ИВАН *(выпив)*. Что же я должен сделать, что сделал тогда с тобой?... Ну погладил... Ну поцеловал... Я должен погладить Джона?.. Поцеловать Ханса?.. *(Поёт.)* Я поглажу Джона, поцелую Ханса... Я поглажу Джона, поцелую Ханса!.. Песен я тогда тебе не пел. Ну, ведь понятно же, что выхода нет, труба. А я на что-то надеюсь!.. Придурок!.. Идиот!..

ДЖОН. Этот ублюдок уже напился.

ХАНС. Значит, я должен убежать?.. *(Идёт на авансцену, заглядывает за край.)* Убежать отсюда можно только туда. Иван!.. Послушай, разреши мне воспользоваться твоей верёвкой?

ИВАН. Давай ещё выпьем, конечно.

ХАНС *(находит верёвку и поясняет Ивану жестами свои действия)*. Мне надо туда!.. Я хочу спуститься... Спуститься по верёвке... Я альпинист... Спуститься на дно этой расщелины и обследовать её, понимаешь?.. Я альпинист!..

ИВАН. Ты идиот!.. *(Подходит к нему.)* Ты хочешь полезть туда? За каким хреном?.. Верёвки метров тридцать всего, а глубина, знаешь, какая?.. Смотри... *(Поднимает камень.)* Смотри и слушай!.. *(Бросает камень в темноту.)* Десять секунд... Двадцать секунд, полёт нормальный... Ну, ты считать умеешь?.. Какая глубина?

ХАНС. Да, ты будешь меня страховать. Держи верёвку... Этот конец я закреплю на поясе... *(Закрепляет верёвку на себе.)*

ИВАН. Ты хочешь, чтобы я тебе помогал в этой дурости?.. Да сейчас лавина пойдёт, не понимаешь, что ли?

ХАНС. Ты меня понял, это хорошо.

ИВАН. Давай лучше посидим, если у нас есть ещё минут пятнадцать. Каждая минута жизни даётся для наслаждения. Тебе твой Бог про это ничего не говорил?

ХАНС. Ты будешь меня держать. Сейчас ты мой бог.

ДЖОН *(подойдя к краю авансцены)*. Если я правильно уловил философский смысл услышанного из прошлого... А я тогда погубил её... Значит, сейчас я должен погубить кого-то из них?.. Или обоих?..

ХАНС (*возмущённо*). Иван, помоги мне, пожалуйста!

ИВАН. Если будешь, пошли. Не хочешь, я сам выпью. (*Идёт к «столу», наливает.*) Будешь?

ДЖОН. Ханс, ты хочешь спуститься вниз? Я могу помочь тебе. Буду травить верёвку. Ты мне объясни только, как это делать. Но если ты сорвёшься, я не виноват, договорились?

ХАНС. Джон, ты бы мог меня подстраховать? Это не сложно.

ДЖОН. Я сообразительный, я хватаю на лету. По части понимания я специалист, которому нет равных.

ХАНС. Тебе нужно занять надёжное положение... Вот здесь лучше всего... Ноги сюда, чтобы хорошо упереться... (*Показывает.*)

ДЖОН. Я справлюсь, ты не такой уж тяжёлый... А я не такой уж тупой.

ХАНС (*поясняя*). Вот так, вот так!... Ну-ка, попробуй...

ДЖОН. Ты уйдёшь, а я буду вот так тебя спускать, вот так...

ХАНС. Нет! Делать нужно только так, как я тебе показал... Бестолковый, как все янки. Одна самоуверенность.

ИВАН (*выпив*). Я же её тогда бросил!... Бросил... Бросил... (*Выходит на край авансцены, смотрит на Джона и Ханса.*) Бросил...

Раздаётся гул, сверху что-то сыпется. Мигает свечение. Все трое отбегают от края подальше.

ХАНС. Нет, не то. Слишком опасно. Я не просто убежал тогда, я предал её... Предал!..

ИВАНЫЧ. Что же я сделал-то?.. Так и в Бога поверишь, едрёна мать... (*Крестится.*) Я тогда её бросил, но это не совсем правильно... Я пренебрёг!... Убежал и не вернулся... А если бы и вернулся, то что? Всё равно ничего бы не было по большому счёту. Потому что я не любил её. Не любил!.. Не любил?.. Не любил... Ну, к этим двоим я особой любви и не питаю...

ДЖОН. Нет, я не смогу никого здесь погубить. Да и погубил ли я тогда тебя? Ты вышла замуж, у тебя двое детей... Детей ты, наверняка, любишь. У меня сын и я стараюсь его любить... Прикладываю силы, чтобы обходиться помягче с этим болваном.

ИВАН. Я обрёк её на страдания, вот!.. Где же я это слышал?.. Иваныч так говорил, умник хренов... (*Передразнивая.*) Он обрёк её на страдания!.. Значит, теперь я должен обречь себя на страдания? А я пью. Хорошо ли это? Может, добавить? А то страдает как-то не очень.

ХАНС. Я не покаялся тогда!.. Ни тогда, ни позже... Сколько ни ходил к мессе, об этом грехе старался не вспоминать... Я не попросил у тебя прощения, вот что я сделал!.. И должен это сделать сейчас. Исповедаться не перед Ним, а перед тобой. Правильно, умереть будет легче... Ты дала мне свечение, и оно не погасло... (*Становится на колени, складывает кулаки на груди, что-то шепчет.*)

ДЖОН *(словно передразнивая)*. Ну что значит, мы были предназначены друг другу?... Предназначены!.. А я выбрал другое предназначение. Погибнуть в этой дыре. Я же сознательно искал всё более рискованные спуски на лыжах. Сноубординг и фристайл для меня прошлый век. Я хотел открыть новый вид спорта. И открыл. Как всё глупо!..

ИВАН. Я должен обречь себя на страдания?.. Но как?.. Я обречён, это и так понятно. Страдаю ли я от этого? Ты не увидишь. А если читаешь всё, что у меня внутри, то знаешь. Тебе мало?.. Хочется ещё?.. А что ещё-то?.. Что же ещё?.. Ты спилась... Значит... *(Подходит к «столу».)* Ну, мне этого мало. Сюда надо цистерну.

ХАНС. Господи, я каюсь, что согрешил на всю жизнь перед ней, своей единственной, предал её перед ликом твоим, храмом твоим, словом твоим... Я грешен перед родителями своими, которым уделял мало времени и средств ... Я грешен перед тобой, Курт, за насмешливые слова о твоей сестре... Грешен, что винил тебя в том, что из-за тебя сорвался в эту пещеру душевного мрака...

ДЖОН. Немец решил замолить свои грехи. Я мне каяться не в чем. Я останусь самым собой! Как и тогда я остался самым собой, не смотря на твое предназначение. Я виноват? Прости. Прощения готов просить у всех!..

ИВАН. Ну, не знаю я, что должен сделать!.. Как тогда не понимал, что делаю... Делал, что хотелось, не задумываясь о смысле и о будущем... Если я наломал столько дров, что уничтожил лес, то готов понести наказание. Если виноват, то снимайте мою голову!.. *(Падает на колени.)* Я виноват перед тобою, Томочка, и нет мне прощения!.. Я виноват перед всеми женщинами, и перед тобой, бывшая жена, что оставлял вас не задумываясь... Я виноват перед двумя погибшими товарищами, я спешил на помощь, но не успел... Я виноват перед тобой, Иваныч, что позарился на твою жену... Виноват, что подозреваю тебя в том, что ты послал меня сюда специально... И правильно сделал...

ХАНС. Я грешен, грешен, грешен!.. Простите меня... Тамара, если я буду прощён, если ты всё-таки спасёшь меня, то клянусь!.. Обещаю вернуться к родителям... Я окончательно порву со своей женой, с которой меня связывает только ребёнок, а не постель, потому что она изменяет мне... Я настояю на твоём разводе с мужем, с которым ты живёшь только формально, я знаю!.. И мы будем вместе, клянусь!.. Мы заслужили своё освобождение... Ты слышишь меня?.. Спаси... Если же я не заслуживаю прощения за свои грехи, то всё, пусть звучит реквием Моцарта!..

Музыка звучит еле слышно, на сцене её слышит только он один.

ИВАН. Казните... Я не рассчитываю на помилование... Но если чудо всё-таки произойдёт, то я отвечу тем же со своей стороны... Томочка, я приеду в наш посёлок и вытащу тебя из алкогольной ямы, в которую ты попала из-за меня... Ты живёшь с дочкой, муж твой по пьянке погиб, я обо всём прекрасно осведомлён... Я заберу вас оттуда!.. Я давно разведён, живу один... Я заберу вас, чего бы мне это ни стоило!.. Я не полезу больше под землю! Клянусь, не полезу!

ХАНС. Меня больше не заманят в горы!

ИВАН. Если не веришь, то давай, включай похоронный марш... Только в той записи, которую Иваныч всегда включает перед тем, как уходить под землю... Ритмично и чуть быстрее... Чтобы умирать было прикольной... Он говорил мне название... Вспомнил!.. Дайте мне Шопена!..

ДЖОН. Эти двое все ещё на что-то надеяться... А я?.. Так, с Богом я поговорил, его не справедливого отношение ко мне я не принимаю... И я не понимаю, что я должен сделать!.. Я не понимаю так же, почему так поступили мои друзья и командир вертолёта... Я не понимаю, почему я подозреваю их, вот что главное!.. Главное, значит, во мне?.. Я дерьмо, если винил других, а не себя... Да, мешок с дерьмом... Но я хочу исправиться, Тейма!.. Если я выберусь отсюда, то даю слово, положу руку на... Положу руку на сердце!.. Я даю слово, что приеду, дам развод жене, которого она столько лет добивается, и займусь твоим мужем. Я заставляю его отпустить тебя! Он знает, что ты не любишь его, а когда узнает, что ты всю жизнь любила меня, и я пришёл за тобой, то должен будет поступить как джентльмен. А не захочет, я убью его, даю слово! Клянусь, убью! Если ты веришь мне, Тейма, то дай знак, а?.. Пусть замигает это непонятное свечение... Когда оно замигало в прошлый раз, это же был явный знак... Явный знак, что так делать не надо!.. И я прекратил... А сейчас?.. Ну?.. Я не стану больше рисковать, клянусь!

ХАНС. Я не хочу больше покорять вершин!

ИВАН. Я не полезу больше к чёрту в задницу!

ДЖОН. Меня уже не заставят прыгать с парашютом!.. Можно же спокойно кататься на лыжах... Ответь, ты слышишь меня?.. Если мои слова прозвучали не убедительно, и надежды никакой, то я не буду ждать медленной кончины... Я сам... *(Делает два шага к авансцене.)* Останусь экстрималом до конца... Ну?.. Нет?.. Тогда пусть звучит «Боже, храни королеву!» А я пошёл... Или лучше гимн статуе Свободы... Нет, пожалуйста, что-нибудь из «Битлз»!.. *(Пританцовывает под только ему слышимую музыку.)*

Три мелодии переплетаются, по очереди доминирует то одна, то другая, то третья. Музыку пререзает женский смех. Появляется ДЕВУШКА. Смеясь и пританцовывая, она дирижирует тремя мелодиями.

ДЕВУШКА. Я здесь!.. Я с тобой!.. Я слышу тебя!..

ХАНС. Я умру?..

ДЖОН. Мне конец?..

ДЕВУШКА. Ты справился!.. Ты сумел сделать то, что сделал тогда со мной!

ИВАН. Но что же, что?..

ХАНС. А что я сделал тогда?..

ДЖОН. Я же ничего не делал!..

ДЕВУШКА. Ты пытался отсюда выбраться, но вовремя остановился. Ты ничего здесь не тронул!.. Вот в чём твоё достижение. Ведь ты же не тронул меня тогда!.. *(Раскатисто смеётся.)* Вот это ты и сделал!

ИВАН *(поднимаясь с колен)*. Не тронул?..

ДЖОН *(удивлённо глядя по сторонам)*. Да, не тронул...

ХАНС *(указывая на авансцену)*. Я хотел, но ты меня остановила...

ДЖОН. И куда же сейчас? Где спасение?

ДЕВУШКА. Подожди!.. Не спеши... Не торопись... Природа отблагодарит за терпение...

Хохоча, ДЕВУШКА исчезает.

Смех переходит в нарастающий гул.

ХАНС. Я не тронул тебя тогда, потому что был твёрдо уверен, что до венчания нельзя. Только с божьего благословения...

ИВАН. Тогда я тебя не тронул, и до сих пор простить себе не могу...

ДЖОН. Да, я пальцем к тебе не прикоснулся... Не смотря на сильное желание...

ХАНС. Я же предал тебя, ведь ты же как раз очень хотела...

ИВАН. Тогда было умышленное бездействие, вот что было!..

ДЖОН. Причём здесь тогда и сейчас?.. Несовместимые ситуации, понятия... Как сравнить эту пещеру с тобой?.. Мы что, в утробе?

ХАНС. Подожди, подожди... Тогда я не тронул тебя по своему желанию... Или нежеланию?.. По нежеланию желания... А сейчас я не тронул здесь ничего по твоему желанию...

Гул нарастает.

ИВАН. Стоп! Да что это я разгадываю ребус? Сейчас же будет сход лавины... Значит, нам крышка!

ДЖОН. Если мы в утробе, то, как нам поможет лавина? Она же нас запечатает здесь, как злых джинов в бутылке ...

ХАНС. Тогда я предал тебя... А сейчас... Лавина?..

ИВАН. Да как же я сразу не понял!.. Я бросил её там, она бросила меня сюда!.. Я не тронул её и обрёл на страдания и смерть... Смерть?.. Почему смерть?.. Неужели она сейчас умирает, и настигла меня здесь как дух возмездия? Чтобы я тоже ничего не тронул и накрылся?..

ДЖОН. Если тебя тогда якобы погубило моё отторжение, моё неприятие тебя, то сейчас... Я погублю себя тем же самым?.. Так, что ли?.. *(Кричит.)* Значит, это всё-таки месть?..

ХАНС *(кричит тоже)*. Ты обманула меня!.. Нас обманули!..

ИВАН *(бьёт себя по голове)*. Урод!.. Придурок!.. Поверил голосу свыше!.. Нужно было продолжать искать выход!

ДЖОН. Какое дерьмо... Тупицы!.. Ублюдки!.. Мы должны были прорубаться дальше!..

ХАНС. Идиоты!.. Выродки!.. Почему вы меня остановили?.. Если бы я спустился, то ушёл бы отсюда по расщелине!..

ИВАН. Зачем вы схватили меня и держали?.. Я бы улетел туда и, возможно, остался бы жив!.. Первый раз, что ли?..

ДЖОН. Кто вас просил держать меня за ремни?.. Вы не спасли меня, а погубили!.. Сейчас нам конец!

ХАНС. Недоноски!.. *(Ивану.)* Ты пожалел мне своей верёвки?.. Ты же специально не пустил меня туда!..

ИВАН. Что ты орешь, фриц несчастный?

ХАНС. Я Ханс! Ты специально нас спаивал!.. Пьяная свинья!

ИВАН. Ты меня спасал? Из-за тебя я здесь, спаситель хренов! Сейчас как дам!..

ХАНС. Я тебе сейчас череп проломлю!.. Где мой ледоруб? И тебе, проклятый янки, покоритель мира!.. Воры, вы украли мой ледоруб!.. Вы специально бросили его туда!.. Сейчас ты полетишь за ним же!.. *(Хватает Джона за грудки.)*

ДЖОН *(отталкивая Ханса)*. Убери руки, скотина!..

ИВАН *(на которого отлетел Ханс)*. Ты чего толкаешься?

ХАНС *(на Ивана)*. Ты ударил меня в спину? Недоносок!.. *(Ловким приёмом перекидывает Ивана на Джона.)*

ДЖОН *(получив удар ногой Ивана)*. Ах ты дерьмо! *(Пинает Ивана.)*

ИВАН. Ты что делаешь, урод!.. *(Бьёт Джона.)*

ДЖОН *(отлетев к Хансу)*. Это из-за тебя!.. *(Бьёт Ханса.)*

Потасовку накрывает гул, перерастающий в грохот обвала и сотрясение декораций. Трое мужчин забиваются по углам. Гул стихает. Сверху что-то сыпется. Свечение вокруг каждого нарастает, к нему добавляется свет из зала. Сцена медленно заливается ярким светом.

ХАНС *(поднимаясь)*. О, Боже!..

ДЖОН *(тоже поднимаясь)*. Черт возьми!..

ИВАН *(поднимаясь тоже)*. Твою мать!..

ХАНС. Бог мой, надо же!..

ДЖОН. Восточный склон... Это же восточный склон!..

ХАНС. Мы спасены...

ИВАН. Ничего не понимаю... Как нам удалось здесь очутиться?

ХАНС. Мы же были на пороге смерти. Позади добра и зла. Что же это?..

ДЖОН. Это восточный склон, немец ты мой любимый!.. Мы будем жить!

ИВАН. Странно, я даже не удивляюсь... Я не могу поверить, наверное... Лавина открыла пещеру?..

ДЖОН. Иван, ты не ослеп! Мы живы! Мы были в утробе и заново родились!

ХАНС. Восточный склон... Солнечная сторона горы...

ИВАН. Мы искали сюда выход под землей. И я его нашёл.

ХАНС. Мы пробивали на этот склон маршрут с севера.

ИВАН. А мы ползли с юга.

ХАНС. Сложный подъём на вершину, победа, и не спешный спуск вниз. В лучах солнца, звучащих как фанфары...

ДЖОН. А мои друзья уже покорили его. Промчались на лыжах. Где-то должны быть следы. Жаль, что на этот раз я не был первым.

ИВАН. Изумительно...

ХАНС. Голова кругом...

ДЖОН. Нет, я первый! Такого выхода на восточный склон не испытал никто.

Порыв ветра.

ХАНС. Что же дальше? Что будем делать?

ИВАН. Сейчас не время торопиться. Не нужно делать лишних телодвижений.

ХАНС. Вот она, благодать божья...

ИВАН. Давайте тихо поглядим.

ДЖОН *(весело)*. Главное, ничего руками не трогать!.. Верно?

ХАНС *(тревожно)*. Руками?..

ИВАН. Не трогать?..

Они оглядываются назад, каждый всматривается в свой угол сцены.

ХАНС. Я же обещал...

ИВАН. Я дал слово...

ДЖОН. Я, кажется, поклялся...

ХАНС. По логике положения я должен не спеша спуститься вниз, добраться до того предместья, откуда мы вышли, забрать в гостинице свои вещи...

ИВАН. За полдня вполне можно дойти до городка, куда приходит маршрутный автобус, и уехать на хрен отсюда.

ДЖОН. Мы не торопясь сойдём вниз... Пообедаем... Закажем славную выпивку на прощанье... Обменяемся адресами... Теперь я угощаю!.. *(Хансу.)* Не вздумай мне перечить. Угощаю только я.

ХАНС. Ну, это мы посмотрим.

ИВАН. Вы думаете, что у меня нет денег? Придурки... Какие же вы придурки!.. *(По-дружески толкает одного и другого.)*

ХАНС. Ну, что делаем? Трогаемся в путь? *(Оглядывается по сторонам.)*

ДЖОН. Теперь-то куда торопиться? Торопиться некуда... *(Оглядывается тоже.)*

ИВАН *(сняв каску)*. Ура, фонарь заработал!.. *(Щёлкает переключателем.)* Смотрите, работает... Значит, мы действительно выбрались. Чего ты теперь-то включаешься? Ты мне нужен был там!.. А здесь и так светло. Даже чересчур.

ХАНС *(вздвигнув от прозвучавшей трели, суетливо достаёт телефон)*. Да, Ханс слушает!.. Это ты, Курт?.. Это я, я!.. Да, живой!.. Я чудом спасся и нахожусь на восточном склоне!.. Я сам ничего не понимаю, но это так!.. А вы где?.. Все целы?.. В двух шагах от вершины?.. Так это же здорово, Курт!.. Вы молодцы!.. Я?.. Я хотел спуститься вниз, чтобы... Ну, чтобы... Но я могу дождаться вас здесь!.. Хорошо, Курт!.. Я всё понял!.. Жду известий от вас, или сообщу о своём решении, всё! *(Отключает телефон.)* Они в двух шагах от вершины!.. Что же мне делать?..

ИВАН. Я понял, почему он заработал. Меня сейчас вспоминает Иваныч. Он полез в ту же кишку, за мной, и наткнулся на дыру, куда я улетел... Проклинает сейчас меня на чём свет стоит... Волнуется... Наверняка, сообщил в лагерь и там переживают, не знают что делать. Что же делать?..

ДЖОН *(выхватив рацию, начавшую издавать короткие сигналы.)* Алло, на связи!.. Билли, это Джон!.. Я жив, я выкарабкался!.. Я выбрался на восточный склон, я в порядке!.. Нет, вертолёт я не видел... Я не мог видеть, потому что был в такой заднице, что... Что?.. Обзывай, меня, Билли, обзывай последними словами, я так рад тебя слышать!.. Я ничего не понимаю, рация не работала, из неё вылетела батарея, а сейчас вдруг заработала, поэтому я на седьмом небе от счастья!.. Что?.. Говори громче!.. Что?.. Я понял, всё понял!... *(Щёлкает тумблером.)* Они на базе. Вертолёт сделал два поисковых облёта, и у него кончилось горючее. А в рации, оказывается, есть аварийный аккумулятор, которого хватает на минуту разговора. Через полчаса он подзарядится и можно будет снова выйти на связь... Главное, отключить красную кнопку... Они меня спрашивают, смогу ли я сам дойти... Что же предпринять?..

Они переглядываются и вздрагивают от зазвучавшего откуда-то сверху женского смеха. Голос девушки звучит издали, словно благословляя: «Делай, как знаешь!.. Природа отблагодарит!..»

ИВАН. Вы слышали? Что это было?

ДЖОН. По-моему, над нами смеялось солнце.

ХАНС. Какое эхо в горах!.. Красота.

ИВАН. Понимаете, я, конечно, дал слово... *(Оглядывается.)* Чего не бывает от страха... Но я не могу бросить друзей, которые за меня переживают. Иваныч в полной уверенности, что я погиб, но будет меня искать. Вдруг он решится спуститься туда, куда я провалился? По верёвке. С ним осталась целая бухта страховочного фала. У него ума хватит. Сам погибай, а товарища выручай. У нас такой закон. Поэтому я должен вернуться в лагерь.

ХАНС. Наш отряд в двух шагах от победы, понимаете? Я не могу уйти от своих. Обещание, которое я дал в минуты полной прострации... Да, я дал обещание. Но я не люблю, когда меня что-то связывает. Я всю жизнь боролся за душевную свободу. Поэтому я должен идти вверх, туда. *(Показывает куда.)* Я хочу опередить наших. Они закончат подъём, а я уже там, но с этой стороны. Это же будет уникально!

ИВАН. Мы хотели спуститься вниз, пообедать, и сесть на автобус. Но я не могу уходить отсюда. Меня ждут там. *(Показывает где.)*

ДЖОН. Парни, вы меня простите, но я не пойду с вами вниз. Я дал клятву, конечно... *(Оглядывается.)* Но я же был загнан в угол. А так не честно.

ХАНС *(выходя на авансцену)*. О, Бог мой, ледоруб!.. Надо же!.. *(Поднимает ледоруб.)* Я теперь во всеоружии!.. Это облегчит мне подъём. Я хорошо себя чувствую, сил достаточно. На фотографиях, которые потом опубликуют во всех газетах, я буду со своим отрядом. Возможно, обо мне напишут отдельно. О моём чудесном попадании на вершину. Или лучше о нём не вспоминать?

ДЖОН. Понимаете, меня ждут на базе. Меня искали. Через полчаса со мной выйдут на связь. За мной прилетят оттуда. *(Показывает откуда.)* Я экстримал, понимаете? Вряд ли мои парни поверят в чудеса, которые произошли со мной... Да я ничего им не скажу, и дело с концом.

ИВАН. Мой топорик!.. *(Поднимает топорик.)* Уцелел... А почему бы ему не уцелеть, если я жив остался? Ну, что, рад встрече с хозяином?

ХАНС. Кто-то из вас предлагал обмениваться адресами. Надо ли так делать, не знаю?.. Встретиться можно будет, я не против. Но захотим ли мы предаваться воспоминаниям?

ДЖОН. Если мы больше не встретимся, то я всегда буду помнить о вас. Но никому ничего рассказывать не стану. И вас об этом же прошу. Не разглашайте мою историю.

ХАНС. Как-то не хочется выглядеть подонком в собственных глазах...

ИВАН. Я сначала вернусь в пещеру и обследую её как надо. Сейчас освещение хорошее. Сюда мы вышли, после того, как лавина открыла нам крышку гроба. А влетели откуда?.. Где-то должен быть ход. Надо искать, не сдаваться.

ДЖОН. Вы опять не понимаете меня?

Вновь звучит раскатистый женский смех.

ИВАН. Слышали?.. Она даёт мне «добро».

ДЖОН. По-моему, я получил благословение. Мне сказали, иди, раз ты такой чудака.

ХАНС. Природа отрепетировала на нас конец света, но жизнь-то продолжается!

ДЖОН. Я не понял твоих слов, но уловил смысл. *(Смеется.)* Ты прав, Ханс. Человечество ушло так далеко в своём развитии, что просто не в состоянии выйти на лучшую дорогу.

ИВАН. Если я найду проход, то мы проложим сюда коммерческий маршрут. Представляете, люди будут заползать на гору с юга, а выползать на восточный склон!..

ДЖОН. Мы с парнями ещё не раз промчимся по этому склону на лыжах. И станем возить сюда желающих рискнуть за хорошие деньги.

ХАНС. Несомненно, я спущусь вниз. Но только со своим отрядом. Мы сойдём к людям как победители. Так что прощайте. *(Весело.)* Сколько нам отпущено в этой жизни?

ДЖОН. Мы ещё покажем, что такое холодным лезвием по нервам! *(Выхватывает нож.)* Я надеюсь, парни, ещё увидятся с вами! До встречи, Иван! Учи английский.

ХАНС. Счастливо! Это всё-таки хорошо, что мы говорим на разных языках.

ИВАН. Мы остались живы, ребята! Мы идём к людям! Ура!

Герои обнимаются.

КОНЕЦ

*Санкт-Петербург,
2003 год, после Рождества.*

